ГЕРМАН КОЦЫБА

ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЕ ФУКО ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

Hermann Kocyba. Die Disziplinierung Foucaults. Diskursanalyse als Wissenssoziologie, in: D. Tänzler, H. Knoblauch, H.-G. Soeffner (Hg.). Neue Perspektiven der Wissenssoziologie. Konstanz: UVK Verlagsgesselschaft, 2006. S. 135-155.

Не было недостатка в попытках произвести Фуко *posthum* в почетные социологи. Его исторические исследования по истории безумия, формированию медицинского взгляда, археологии гуманитарных наук, истории современной системы наказания или дискурсивизации сексуальности предоставили новый взгляд на функционирование социальных практик знания и открыли для дискурса гуманитарных наук своего рода «наблюдение второго уровня» (Osborne 2001: 12). Это, правда, было воспринято как нечто недостаточное прежде всего там, где Фуко интерпретировался в первую очередь как социолог или теоретик общества, полагавший, что может проанализировать механизмы социальной интеграции с помощью односторонним образом подогнанной под проблемы управления системной теории, и которого грубый бихевиоризм сбил с вопроса о нормативных основаниях общественного порядка (Honneth 1985). Социологические способы прочтения Фуко нередко руководствовались ложным допущением, будто мышление Фуко достигает своей высшей точки в «теории власти», которая в политически радикализированной и теоретически односторонней форме пытается продолжить программу «диалектики просвещения» (Хабермас 2008). Аналитическое скрещение знания и власти, согласно которому знание означает не уничтожение отношений власти, а их дифференцирующее развертывание, истолковывались как доказательство функционалистского редукционизма, который не может ни объяснить стабильность и устойчивость анализируемых диспозитивов власти, ни обосновать нормативную критику существующих властных порядков.

Под другим знаком социологический способ прочтения распознаваем и там, где «теория дискурса» Фуко функционирует как скрытая теория общества. В области «*Governmentality Studies*» (*Governmentality Studies* (англ.) можно перевести как «исследования в области государственного управления» или «исследования правительности». Термин «*Governmentality*» был введен Фуко для характеристики изменений в современных способах осуществлений отношений власти. См., в частности, комментарий А. Корбута к переводу статьи «Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире» Ж. Донзло и К. Гордон в: Логос, № 2, 2008, С. 3-20. С. 3, Примечание 3. – *Прим. пер.*), одной из наиболее полодотворных попыток аналитически использовать и развить дальше стимулирующий потенциал Фуко (в качестве введения в немецкую дискуссию см.: Lemke 1997, а также Brqckling u. a. 2000), также существует тенденция вычитывать у Фуко новую теорию общества или альтернативную теорию социальных процессов. Это имеет место, например, там, где «истории

управления» приписывается эволюционная логика, которая «механически прогрессирует от стадии „полиции“ через либерализм и государство благосостояния к неолиберализму» (Osborne 2001: 13). Между тем, продуктивное сопоставление Фуко с вопросами и методами социологического анализа отнюдь не предполагает прочтения Фуко как социолога (Hacking 2004).

1. Запоздалые дебаты

Сопоставление дискурсанализа и социологии знания, и прежде всего «Археологии знания» Фуко и программатики «Социологии научного знания» (ср.: Stehr/Meja 1982: 912) до сегодняшнего дня фактически не было осуществлено. Хотя в своих центральных текстах, конститутивных для периода формирования подхода лабораторных исследований и *social studies of science (Social studies of science* (англ.) – социальные исследования науки, междисциплинарное направление изучения научного знания как обусловленного социальнм контекстом своего производства. – *Прим. пер.*), Кнорр-Цетина, Латур, Вулгар, Ло, Пинч, Бийкер и другие неоднократно ссылаются на Фуко, он даже причисляется к группе тех, кто пытается «вновь оживить социологию знания» (Knorr Cetina 1984: 281), однако ссылки остаются, как правило, весьма общими и неточными. Они скорее выполняют легитимирующую и маркетинговую функцию, чем действительно выражают интерес к сопоставлению с Фуко. Латур и Вулгар ссылаются на Фуко в связи с тезисом, согласно которому научно-исторические описания с неизбежностью являются литературными фикциями (Latour/Woolgar 1979: 107). Они приписывают ему семиотический взгляд на науку, который Фуко категорически оспорил бы: «science is a form of fiction or of discourse, like any other […], one effect of which is the “truth effect”, which (like all other literary effects) arises from textual characteristics, such as the tense of verbs, the structure of enunciation, modalities, and so on» («Наука – это такая же разновидность литературы или дискурса, как и все прочие [...] одним из эффектов которой является „эффект истины“, обусловленный (подобно любым другим литературным эффектам) текстуальными характеристики, такими как время глаголов, структура фраз, модальности и пр.». – *Прим. пер.)* (Latour/Woolgar 1979: 184).

Как социология научного знания, не ориентирующаяся исключительно на институциональные структуры системы науки, а делающая своим предметом само научное знание, социология знания еще и сегодня является объектом ожесточенных нападок (ср.: Scharping 2001). В результате поперовско-куновских дебатов нормативный дискурс прескриптивной теории науки, определяющей с помощью формальных критериев, что является наукой, а что нет, уступил место пониманию теории науки как реконструктивного анализа развития науки. В ходе этих дебатов было проведено различие между рациональной реконструкцией научной программы исследования и эмпирической реконструкцией в смысле социально-психологического или социологического объяснения изменения убеждений (Лакатос 1978). В отношении этого ослабленного нормативизма понятия рациональной реконструкции развиваемая в рамках социологии знания «*strong programme*» (*Strong programme* (англ.) – сильная программа. См., в частности, русскую публикацию одного из представителей

«сильной программы» в социологии знания Дэвида Блура: Блур Д. Сильная программа в социологии знания / Пер. с англ. С. Гавриленко, под ред. А. Толстова // Логос № 5-6, 2002. С. 1-24.– *Прим. пер.*) анализа науки выдвигает тезис, согласно которому не только возникновение заблуждений, но и равным образом возникновение истин поддается социальному объяснению (Barnes 1977; Bloor 1976). Есть социальные процессы, в которых идеи возникают, проходят проверку и развиваются далее. Не только контекст возникновения, но и контекст обоснования научного знания имеет социальную природу.

Тем самым социология знания, согласно традиционному контрвозражению, опровергает именно те притязания научного знания на значимость, которые стремится объяснить. Лишь социология заблуждения или во всяком случае принятия-за-истину предстает легитимной из перспективы нормативной теории познания, но не социология истинного знания. Но что могло бы быть предметом социологии научного знания? Следует ли объяснять, почему некто в определенный момент времени считает истинным некое определенное понимание? Следует ли объяснять, почему некое понимание признается внутри некоего коллектива исследователей истинным? Может ли это быть обосновано объяснением причин возникновения некоего убеждения? Являются ли истинные убеждения случайным результатом социальных процессов, способных с таким же успехом привести и к тому, что некто будет считать достоверными убеждения, в действительности являющиеся ложными?

Если мы принимаем некое понимание за истинное, тогда оно, как правило, связывается с убеждением, что у нас есть веские основания полагать, что оно истинно. Для научных споров, между тем, верно то, что истина – насколько она вообще поддается определению – *ex ante (Ex ante* (лат.) – заранее. *Прим. пер.)* не известна, а следовательно и не может служить критерием оценки противоречивых утверждений. Таким образом, процесс развития науки характеризуется тем, что в его рамках акторы имеют дело с обнаружением и утверждением истины, без того чтобы эта истина уже имелась в их распоряжении в качестве критерия оценки, пусть даже в форме критерия «правдоподобия» (ср.: Stegmьller 1971: 47 ff).

В чем заключается знание, генезис которого (а в случае *strong programme* еще и значимость) социология знания намерена объяснить, на каком уровне описания оно определимо: является ли оно пропозициональным, эксплицитным, представленным в изолированных атомах-высказываниях знанием или же это холистически структурированное имплицитное знание? Заключается ли оно в образцовых решениях проблем, в детально описуемых методах? Идет ли речь о ментальном феномене или о превосходящей индивидуальное сознание объективной реальности? Не только в научно-исторической дискуссии, но и в самой теории науки «*statement view*» (Термин «*statement view*», перевод которого на русский затруднителен, отсылает к Р. Карнапу, стороннику формально-логического подхода к анализу научного знания как установлению синтаксических связей между научными высказываниями и их сведению посредством формализованных логических процедур к некоторому классу элементарных («протокольных») предложений, образующих неопровержимый и достоверный базис знания. См., напр.,: *Карнап Р.* Философские основания

физики: введение в философию науки / Пер. с англ. Г. И. Рузавина. 4-е изд. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – *Прим. пер.*) ставится под вопрос, вследствие чего наука в ее когнитивном ядре должна описываться как система высказываний (Stegmьller 1974). Научное исследование, работа «научных мыслительных коллективов» связана с базирующимися на письме системами записи и формами коммуникации, где можно наблюдать соседство гетерогенных форм высказываний и коммуникативных стилей (ср.: Флек 1999 а: 133). Однако наука не сводится к всего лишь высказываниям, как удручающе красноречиво показал еще Флек в своем «анализе конкретного случая» из бактериологической лаборатории в концентрационном лагере Бухенвальд (Флек 1999 б: 199).

Социологическое исследование науки претендует на слишком многое, полагая, что указанием на причины способно объяснить истинность убеждений. Объяснение причин и объяснение того, как некто приходит к истинным убеждениям, т. е. к убеждениям, которые в свете налично очевидного рассматриваются как истинные, – отнюдь не одно и то же. И наоборот, социологическое исследование науки сужает свой предмет, если совершенно игнорирует связанные с убеждениями притязания на истинность, относя их на счет теории познания. Хотя то обстоятельство, что некая личность имеет определенное убеждение, не объясняется просто-напросто тем, что данное убеждение истинно – истинность или ложность не написаны на лбу у убеждения, апелляция к очевидности остается простым заверением, – однако тот способ, посредством которого в рамках общественных практик знания устанавливается отношение к нормативной идее истины и специфическим достоверностям, является предметом эмпирического анализа исторических систем знания.

Осуществленные Фуко анализы истории гуманитарных наук отнюдь не выносят за скобки отношение исследуемых форм знания к истине. Они реконструируют отношение научных дискурсов к истине, но не в том смысле, что присваивают себе их внутреннюю перспективу и аргументируют исходя из горизонта истинности исследуемых дискурсов (Foucault 2005: 950 ff). В центре внимания – функционирование дискурсивных практик. Целью является не обоснование истин или оценка притязаний на истинность, а экспликация соответствующего горизонта истинности, на который претендует дискурсивная практика. Фуко реконструирует историческое априори специфических формаций знания и тем самым взаимную игру языковых, перцептивных, технических и социальных практик. Внутреннее отношение знания к истине подразумевает при этом не то, что утверждаемое знание истинно, а что оно стремится быть истинным, т. е. воплощает притязание, с которым оно соизмеряется и в соответствии с которым прорабатывается. Оно отсылает к полю, внутри которого нечто может пониматься как истинное или критиковаться соответственно своим собственным стандартам. Дискурсы, по крайней мере имплицитно, обнаруживают аргументативную структуру и должны обладать способностью к согласованию с состоянием дисциплины, ее методами, теоретическим горизонтом, фоновыми убеждениями (Фуко 1996 б: 65-67).

«Археология знания» Фуко взрывает традиционный горизонт эпистемологии не только вследствие того, что в образах биологии, медицины, психиатрии, лингвистики и экономии анализирует до-парадигматические «незрелые» науки (Hacking 2002: 87 ff), еще не утвердившие себя в качестве «*normal science*» (*Normal science* (англ.) – нормальная наука. – *Прим. пер.*) в смысле Томаса Куна. Она расширяет горизонт исторической эпистемологии и вследствие того, что исследует культуры знания, располагающиеся по ту сторону того, что признается в качестве научного знания внутри некоего общества. Дифференцирование научного и ненаучного знания является выражением исторической констелляции практик знания. Ненаучное знание также связано с притязаниями на значимость, требованиями непротиворечивости и ожиданиями убедительности. Таким образом, формы знания и практики знания, которые отчасти когнитивно несовместимы и связаны с расходящимися «практическими эвристиками» (ср.: Giesen 1982, где данная тема рассматривается из социологической перспективы), сосуществуют.

Дискурсы различаются по способу своего отношения к истине. Авторитетная экспертиза в суде, в терапии, в практике исповеди, дидактическая переработка знания для целей преподавания обнаруживают иной способ отношения к истине, нежели исследовательская коммуникация, однако также нормативно ориентированы на идею истинности. Несмотря на это внутреннее расщепление ландшафтов знания знание и вне системы науки не лишено отношения к истине. Знание является нормативным образованием, знание противостоит другому знанию. Несмотря на свое многообразие знание не произвольно, спор о конкурирующих притязаниях на значимость порождает чувства и конфликты, в своих крайних формах напоминающие реакции на нарушение коллективных норм у Дюркгейма. Знание вследствие своей претензии соотноситься с истиной нормативно, притязание знания на объективность требует, в отличие от всего лишь субъективного мнения, социального признания. «Почему заботятся об истине, причем больше, чем о самих себе? И почему заботятся о самих себе лишь посредством заботы об истине? […] Что привело к тому, что вся западная культура вращается вокруг этого обязательства перед истиной? […] От господства истины не ускользнуть, играя в игру, совершенно чуждую игре истины; это можно сделать, лишь играя в игру истины иначе» (Foucault 2005: 894 ff).

Проблема нормативности встает между тем не только в связи со статусом знания, но и в связи с нормативностью его предмета. «Археология знания» анализирует именно «те игры истины, в которых субъект устанавливается как объект возможного знания: что это за процессы субъективации и объективации, обуславливающие то, что субъект как субъект может стать объектом познания?» (Foucault 2005: 778). Анализируемые Фуко эпистемические формации гуманитарных наук характеризуются специфической внутренней проблематикой нормативности. Проблемы жизни, языковых правил, экономических законов связывают в каждом случае нормативные и эмпирические аспекты: речь не идет ни о чисто нормативном установлении, ни о свободной от норм фактичности. Речь идет о гибридных объектах, таких как жизнь, отсылающая к страданию, болезни и смерти, грамматика, отсылающая к

норме, экономия, отсылающая к проблеме законности. Тюрьма, наказание, сексуальность также образуют гибридные объекты между нормой и фактичностью. Фуко исследует, как они становятся предметом познания и нормирования. Дискурс жизни не является чисто естественнонаучным дискурсом, он включает в себя морально-нормативные оценки и истолкования. Вслед за Кангийемом Фуко подчеркивает: «И все же в познании жизни есть феномены, которые отделяют ее от всякого знания из физико-химической области, поскольку способны обнаружить свой принцип развития лишь в изучении патологических феноменов» (Foucault 2005: 954). «Жизнь и смерть не являются как таковые проблемами физики, даже если физик в своей работе рискует своей собственной жизнью или жизнью других; для него здесь речь идет о вопросах морали или политики, а не о научных вопросах» (Foucault 2005: 955 ff). В противоположность этому перед биологом стоит задача понять, что делает из жизни специфический предмет познания, он не может экстернализировать это ценностное отношение в мораль. Жизнь – не свободное от норм образование, и в столь же малой степени «науки о жизни» способны «обходиться без определенной ценностной позиции, маркирующей сохранение, регулирование, приспособление, размножение» (Foucault 2005: 955). Сквозь анализ жизни красной нитью проходит присутствие ценности и нормы (Foucault 2005: 958).

В отличие от «*strong programme*», у Фуко анализ знания не направлен на каузальное объяснение; в столь же малой степени он стремится к тому, и Фуко постоянно указывает на это, чтобы сообщить лежащий за дискурсами смысл. Эпистемически-нормативное отношение к истине является частью анализируемой позитивности, однако может стать видимым лишь благодаря когнитивной дистанции. Только когда сова Минервы улетает дальше, когда когнитивные и нормативные рамки смещаются, становятся рапознаваемы контуры дискурсивной формации. Мы должны выйти за пределы ставших привычными образцов восприятия и кодов описания, чтобы суметь распознать их как частные, специфические исторические образования. Дискурсанализ не является попыткой непосредственного обнаружения бревен в собственных глазах, устранения слепого пятна в поле зрения посредством его рефлексивного удвоения. Лишь окольным путем археологически отчуждающего дискурсанализа мы можем попытаться сделать видимыми априори нашего настоящего. В этом отношении дискурсанализ ориентирован на историю истины, не рассказывающую предысторию наших сегодняшних убеждений, а по контрасту акцентирующую их специфику. Очерченный историческим априори архив событий-высказываний требует аналитической дистанции, «мы не можем описать наш собственный архив, поскольку мы говорим внутри этих правил […] Описание архива развертывает свои возможности […] исходя из дискурсов, которые только что перестали быть исключительно нашими» (Фуко 1996 a: 131). Дискурсанализ отнюдь не выносит за скобки институционализированные отношения к истине; однако он может их реконструировать в их исторической специфике лишь в том случае, если описывает их не из рекурсивной перспективы сегодняшнего знания, а соотнося с их собственным горизонтом истинности.

2. По ту сторону социологии и анализа языка: новая феноменология?

Дискурсанализ – больше чем вариант текстуальной лингвистики, содержательного анализа или разговорного анализа. То обстоятельство, что «дискурс» является понятием лингвистического анализа (Harris 1952) и что Фуко долгое время воспринимался как длящий традицию Леви-Стросса «структуралист», поместивший на место сознания анализ анонимных структур языковых правил, поддерживало достаточно тесно примыкавшее к лингвистике понимание понятия дискурса (ср.: Schuttler 1989; Guilhaumou 2001). Отсылка к «*linguistic turn*» (*Linguistic turn* (англ.) – лингвистический поворот. Речь идет о так называемом «повороте к языку» (Р. Рорти) в философии, связываемому прежде всего с такими представителями аналитической философии как Г. Фреге, Б. Рассел, Д. Мур, Л. Витгенштейн. В 1967 г. под редакцией Р. Рорти выходит сборник статей с одноименным названием (см.: *Rorty R.* (ed.) The Linguistic Turn. Chicago: University of Chicago Press, 1967). – *Прим. пер.*), который заклинает скорее некую расплывчатую общность всех объединенных под этикеткой «дискурсанализ» или «дискурстеория» анализов знания и языковых действий (ср.: Keller u. a. 2001 a: 53 ff), не в состоянии прояснить специфику перспективы, которая не стремится быть ни теорией общества, ни анализом языка.

Это тем более верно, что и такие авторы как Хабермас, достаточно далекие от интенций дискурсанализа, апеллируют к «*linguistic turn*». Этот «*linguistic turn*» означает для каждого из его протагонистов всякий раз нечто свое, уже по той причине, что с ним с самого начала (ср.: Rorty 1967) связаны совершенно различные представления о языке или предмете лингвистики и анализа языка. Ориентиром выступает то логический анализ языка в традиции Фреге, то речь идет о реконструкции употребления нашего повседневного языка в традиции Дж. Е. Мура, то о том, чтобы использовать элементы языковой теории Ноама Хомского, Фердинанда де Соссюра или Романа Якобсона в анализе социальных знаковых практик. В любом случае, было бы полным недоразумением отождествлять этот «*linguistic turn*» с трансформацией философии и анализа общества в лингвистике.

Направление главного удара «*linguistic turn*» у Хабермаса относится к «философии сознания» и ее социально-теоретическим дериватам в том виде, в каком они проникли – прежде всего благодаря Максу Веберу – в дискуссию об основаниях социальных наук. Он не совпадает с «*interpretative turn*» (*Interpretative turn* (англ.) – интерпретативный поворот. Ключевой характеристикой наметившейся в конце 1970-х гг. интерпретативной парадигмы в социальных науках явилось акцентирование конститутивной взаимосвязи языка, коммуникации и социальных практик. Одним из тех, чьи работы послужили началом интерпретативного поворота, в частности в антропологии, считается Клифорд Гирц, книга которого «Интерпретация культур» вышла в 1973 г. – *Прим. пер.*) в социальных науках: последний частично действует еще внутри обруганной менталистской парадигмы; с другой стороны, было бы чистым произволом причислять анализ мифов Леви-Стросса к интерпретативной парадигме. Всеобщие структуры человеческого духа, которые раскрывает анализ мифов, образуют генеративную систему, доступ к которой открывает

формальный анализ различных ценностей (образцом которому служит фонология Якобсона), а не интерпретативное восстановление значений.

Дискурсанализы Фуко, так же как и анализ структур коммуникативного действия Хабермаса, занимаются, и в этом могла бы состоять общность приписываемых «*linguistic turn*» позиций, предметами, которые, так сказать, доступны для публичного восприятия и интерсубъективной проверки. Речь уже не идет о том, чтобы анализировать внутренние ментальные состояния, интерсубъективно недоступные содержания сознания, субъективные достоверности. Рациональность и сознание не раскрываются уже исключительно в саморефлексии или самоописании, а могут наблюдаться – в отличие от приватно-языковой зубной боли Витгенштейна, – так сказать, в качестве публично воспринимаемых и коммуницируемых объектов. Эта отсылка к очевидности и интуиции поддается интерсубъективной проверке. Иерархический каскад смысла – возникновение смысла во внутренней жизни сознания, затем языковая артикуляция и сообщение посредством устного слова и, наконец, его письменная запись – ставится, так сказать, с головы на ноги.

Анализы Фуко не направлены на изолированные высказывания типа «*the cat is on the mat*» (*The cat is on the mat* (англ.) – кошка сидит на коврике – излюбленная фраза многих англоязычных представителей аналитической философии, использовавшаяся для демонстрации тождественности языка и мира; последняя обеспечивалась благодаря эмпирической проверке соответствия структуры предложения и факта. – *Прим. пер.*), как это традиционно имеет место в текстах по аналитической философии языка. Они ориентированы на более сложные языковые образования, которые не анализируются с точки зрения того, следуют ли они специфическим синтаксическим правилам образования, используют ли определенный семантический репертуар или осуществляют ли они определенный речевой акт. Дискурсы не состоят из высказываний (*ŭnoncŭs*) так же, как язык (в связи с понятием «*ŭnoncĭ*» ср.: Prieto 1964). Но даже если смысл языковых выражений более не локализуется в сфере сознания, философия не становится вследствие этого лингвистикой, а передаваемый в языке смысл не помещается просто-напросто на место имманентности сознания.

Дискурсы не являются лингвистической единицей исследования. Предмет дискурсанализа – не выражения, которые могут образовываться на основе определенных формальных правил, а выражения, которые фактически имели место при специфических условиях. Интерес здесь представляют не синтаксические или семантические правила образования, не формальная комбинаторика, которая делает возможными определенные высказывания. Многие высказывания прозводятся согласно правилам, не являясь при этом частью исследуемой в соотвествующем дискурсанализе совокупности высказываний: дискурсанализ интересует то, что фактически говорилось, а не то, что могло бы быть сказано согласно определенным правилам. В этом смысле речь идет об анализе «условий существования», а не «условий возможности» (Фуко 1996 а: 117). Речь идет о том, почему определенные выражения приняли эту специфическую, а не иную форму, которая так же была бы возможна исходя из определенной системы правил.

Вместе с тем анализы Фуко воплощают специфический взгляд на знание,

анализируемое не как содержание сознания, а как дискурсивная практика (Waldenfels 1991). Когда Фуко анализирует дискурсы, то речь не идет ни о речевых актах, ни о высказываниях, ни о лингвистическом анализе, ни о логическом анализе или реконструкции нормального языка. Правда в столь же малой степени речь идет и о языковом облачении доязыкового смысла, который коренился бы в «более глубокой», «более изначальной» области. Фуко не стремится обрисовать ни теорию, ни метод понимания, скорее его цель – предпринять меры предосторожности в отношении того, чтобы понимать слишком много. Не то, как мы могли бы обнаружить истинный, более глубокий смысл, который стоит за событиями, а то, как мы могли бы избежать того, чтобы понимать слишком быстро. Согласно Гадамеру и Хайдеггеру, мы всегда истолковываем исходя из предшествующего понимания бытия, внутри некого культурного горизонта, исходя из которого мы никогда не в состоянии постичь целое. Фуко не оспаривает эту предструктуру понимания, однако определеяет ее как проблему, реакцией на которую выступает его проект «Археологии знания». Он подчеркивает конститутивную дистанцию между дискурсивной практикой дискурсанализа и анализируемыми дискурсами; его цель не состоит в актуализации погребенного смысла: «если философия есть память или возвращение к истокам, то, в таком случае все, что делаю я, никоим образом не может рассматриваться как философия; и если история мысли состоит в возвращении к жизни полуистлевших фигур, то мои попытки отнюдь не являются историей» (Фуко 1996 a: 202).

Осуществленные Фуко анализы истории безумия, тюремного наказания, сексуальности целенаправленно практикуют политику непонимания. Не следует слишком поспешно доверяться предмету исследования. И в ходе своих анализов Фуко модифицирует свою перспективу в той мере, в какой у него создается впечатление, будто он попался на удочку господствующих социальных стереотипов, будь это даже стереотипы критики. Это ведет к вновь и вновь возобновляемым усилиям обрисовать предмет исследования и характерный для него уровень формации, которые обнаруживают бесперспективность любой попытки вывести из «Археологии знания» некий набор процедурных правил. Отказ осуществлять дискурсанализ как рефлексивную самотематизацию не предустанавливает возможность принципиально внешней перспективы, как если бы мы могли волевым усилием переключиться с перспективы участника на нейтральную перспективу наблюдателя. Приостановка понимания, отчуждение взгляда, практикование позитивизма чистого описания дискурсивных событий не означают возврата к якобы эпистемологически естественному состоянию, а являются результатом, так сказать, дискурсивно-археологической «*epochй*». Как вопрос каузальных взаимосвязей условий и воздействий, так и вопрос истинности высказываний заключаются в скобки, но не выносятся за них: истинностный горизонт высказываний и тот способ, с помощью которого они позволяют тематизировать свою собственную генеалогию, являются частью подлежащих описанию черт дискурсивных формаций. Намеренное непонимание, «*stop making sense*» (*Stop making sense* (англ.) – хватит придавать смысл. См. книгу Норберта Больца с одноименным названием: *Bolz N.* Stop making sense!

Wьrzburg, 1989 – *Прим. пер.)* (Bolz 1989), – разумеется, парадоксальное предприятие. Многозначительное молчание не останавливает производство смысла. Любая политика дефицита смысла только повышает его значимость. Лишь стратегия, раскрывающая комплексность множественных смысловых отношений, имеет шанс оставить позади себя смысл, коллективную единичность некоего смысла.

Признание Фуко себя сторонником «веселого позитивизма», его программная формула «чистого описания дискурсивных событий» не редко понимались совершенно превратно. Они не означают, что Фуко не допускал не предструктурированную, со своей стороны, специфически историческим априори непосредственную доступность смысла. Чистое описание означает не наивное, а в той мере основанное на предпосылках предприятие, в какой оно не стремится быть ни каузальным, ни философски-гносеологическим анализом (Kocyba 1988). Единицами анализа выступают позитивности, не тематизируемые как носители указывающего на нечто другое смысла, как результат внешних социальных каузальных связей и в столь же малой степени как эффекты предсуществующей системы правил. Эти отношения значимы лишь в той мере, в какой они осязаемы и тематизируемы в самих исследуемых дискурсивных формациях: Фуко интересует не то, как власть извне воздействует на системы знания, а как она в них становится видимой. В известном смысле речь идет о «феноменологическом позитивизме» (Мерло-Понти 1999: 17). Позитивизм означает запрет на перепрыгивание через данное, т. е. объяснение его как манифестацию смысла, каузальности или артикуляцию возможности.

Не интерпретация языкового смысла, а реконструкция горизонта, внутри которого нечто может быть схвачено как истина или кандидат в истины, составляет критическую тему дискурсанализа. Вопрос о том, истинно ли определенное высказывание, оказывается подвешенным, помещается, так сказать, в феноменологические скобки, вне какого-либо сопоставления с истинным знанием о безумии или богатствах. Тот факт, что Фуко объявляет себя веселым позитивистом, означает признание себя сторонником Ницше и его отказа от метафизического потустороннего мира идей, сущности и вечного смысла. На его место помещается анализ исторически специфических априори как диспозитивов политик истины. В страстном дистанцировании от феноменологии ощущается очарованность ею. Фуко стремится избежать предшествующей раскрытости мира, изначального доверия к вещам – можно было бы сказать: их ложной непосредственности, не для того чтобы перепрыгнуть через позитивность, событийный характер данного, а чтобы суметь всесторонне схватить ее посредством установления дистанции. Предпонимание и традиция не являются успокоительными гарантами собственного предприятия, а маркируют его границы. Таким образом, цель Фуко можно охарактеризовать как «дистанцирующее раскрытие» символических порядков (Kugler 1992: 134).

Установление отношения к феноменологии остается крайне амбивалентным, аргументы против феноменологии могут быть описаны в частности и как заострение феноменологических воззрений – и его резкие выпады против герменевтики не смогли помешать тому, чтобы он стал главным

свидетелем по делу критической герменевтики (Dreyfus/Rabinow 1987). «Но чтобы реально освободиться от Гегеля, […] нужно знать, что все еще гегелевского есть в том, что нам позволяет думать против Гегеля» (Фуко 1996 б: 92) – это *mutatis mutandis (Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями. – *Прим. пер.)* могло бы быть верно и для отношения Фуко к феноменологии и герменевтике. Что же еще есть в самом мышлении, против чего направляется критика, и в какой мере эта критика продолжает это мышление, в этом мы – если Фуко прав – не можем удостовериться рефлексивным образом, т. е. в горизонте исторического априори, определяемом, в свою очередь, Фуко. Это станет возможно лишь в той мере, в какой мы выйдем за пределы сферы влияния исторического априори, характеризующего дискурсивную практику Мишеля Фуко.

3. Перформативность и рекурсивность

Несмотря на общий протест против притязания герменевтики на универсальность анализ Хабермасом коммуникативных оснований рациональности социального действия еще в меньшей степени, чем дискурсанализ Фуко можно втиснуть в анти-герменевтическую формулу «*Stop Making Sense!*». Тем не менее: связывая понимание смысла со способностью устанавливать аргументативное отношение к артикулированным в языке притязаниям на значимость, Хабермас не считает понимание вопросом лингвистической компетентности, равно как и эффектом исторического влияния взаимосвязей традиции. Понимание не является пониманием языка независимо от содержательных убеждений относительно того, что имеет место. Понимание должно проходить через игольное ушко аргументативного соотнесения (Habermas 1981 a: 169 ff): это можно было бы истолковать и как «*caveat*» (*Caveat* (англ.) – предостережение, протест. – *Прим. пер.*)в отношении слишком быстрого и слишком полного понимания.

Хабермас связывает понимание со способностью установления отношения к притязаниям на значимость (Habermas 1981 a: 65 ff). В некотором релевантном смысле теория коммуникативного действия разделяет при этом предостережения дискурсанализа в отношении герменевтической традиции, в той мере в какой понимание определяется как вхождение во всеохватывающий процесс, который у Гадамера тематизируется как слияние горизонтов. Предструктура понимания образует, таким образом, основание любых процессов понимания, в том числе и там, где она критически обращается к самой традиции. Согласно Хабермасу, любое понимание и любая традиция, напротив, предполагают в принципе возможность критики, способность сказать нет, оспорить притязания на значимость. В свою очередь, дискурсанализ Фуко не определяет себя ни как герменевтическое слияние горизонтов, ни как установление отношения к притязаниям на значимость. Он стремится установить дистанцию к предмету. Нечто становится распознаваемым тогда, когда исчезает очарованность его присутствием; анализ настоящего возможен окольным путем исторического анализа, позволяющего узнать, в какой мере актуальные диспозитивы рациональности, со своей стороны, селективны и контингентны.

Понимание выражений базируется, согласно Хабермасу, на способности к установлению обоснованного отношения к притязаниям на значимость. Это запрещает разделение вопросов о значении и значимости (Habermas 1981 a: 374). Основания, согласно его пониманию, могут быть реконструированы лишь из перформативной перспективы того, кто может установить отношение к выдвинутым притязаниям на значимость. Лишь в той мере, в какой он осознает основания, благодаря которым выражения некоего автора предстают как рациональные, интерпретатор понимает, что автор мог иметь в виду. Он не может понять семантическое содержание текста, до тех пор пока не в состоянии представить себе основания, которые автор мог бы привести при соответствующих обстоятельствах; и он не может представить себе основания, не оценивая их, не устанавливая к ним отношения.

Интересно, однако, то, что не всякое знание у Хабермаса концептуализируется согласно данной модели. Знание не ограничивется сферой того, к чему мы обоснованно можем установить отношение (Habermas 1981 b: 188 ff). В противоположность монологически ориентированной теории сознания Хабермас указывает на роль имплицитного знания, которое имеется в распоряжении у участников коммуникации в дорефлексвной форме само собой разумеющихся фоновых допущений. Это фоновое знание структурировано даже не пропозиционально, а холистически. Мы не можем по собственному желанию осознать его. Пропозиционально артикулированное знание базируется на глубоко укорененном имплицитном знании, которое в норме, т. е. вне кризисных потрясений наших повседневных допущений о нормальности, для нас просто непроблематично и как следствие не осознаваемо. Очерченная выше и основополагающая для любого понимания возможность установления отношения к выдвигаемым вместе с выражениями притязаниям на значимость связана, в свою очередь, с фоновым знанием, которое никогда произвольным образом и как целое не может быть объективировано и следовательно подвергнуто критике.

Это относящееся к жизненному миру фоновое знание, которое, если под знанием понимать поддающиеся критике притязания на значимость, в строгом смысле даже нельзя назвать знанием, образует, согласно Хабермасу, горизонт процессов взаимопонимания. Коммуникативно действующие субъекты всегда движутся внутри горизонта жизненного мира; они не могут выйти за его пределы. Жизненный мир как горизонт возможного взаимопонимания имеет другой статус, чем те когнитивные или нормативные отношения к миру, которые указывают на поддающиеся критике притязания на значимость. Хабермас характеризует его как хорошо знакомую сеть пресуппозиций, которые должны быть выполнены (но не обязательно осознаны), чтобы некое выражение являлось осмысленным. Этот жизненный мир лежит в основе любых возможных разногласий, он может быть разрушен, но не опровергнут (Habermas 1981 b: 200).

Сеть этих пресуппозиций, лежащая, в свою очередь, в основе аргументаций, не доступна теории коммуникативного действия непосредственно, но лишь в той мере, в какой подрыв фоновых допущений частично обнажает эти основания. Мировая история выполняет, так сказать, роль

этнометодологического кризисного эксперимента. Во всяком случае, целенаправленное рефлексивное представление в столь же малой степени способно сделать явными относящиеся к жизненному миру пресуппозиции, как и исторические априори дискурсанализа Фуко. Эти пресуппозиции очерчивают рамку, внутри которой мы можем устанавливать отношение к притязаниям на значимость, апеллируя к основаниям. Фуко, напротив, определяет себя как дискурс-археологического наблюдателя рамочных эффектов, которые как таковые не видимы непосредственно. В отличие от Хабермаса, он полагает, что может реконструировать отношение дискурсов к истине не через установление отношения к притязаниям на значимость исследуемых дискурсов, а посредством «нейтрализации» (Privitera 1990: 66). Лишь в этом случае мы можем сделать предметом изучения их историческое априори и исследовать, почему эти дискурсы воплощали некогда состояние наличного познания. «История наук – не обращенная назад история прогресса, не отображение пройденных этапов, точкой схождения которых была бы сегодняшняя истина. Я, скорее, хотел бы исследовать их, чтобы понять, в какой мере устаревшие сегодня понятия, установки или методы в свое время сами представляли собой опережения […] Необходимо понять не только то, почему нечто было разрушено, но и то, как оно сначала выстраивавалось» (Canguilhem 1979: 27). Согласно данному пониманию, история науки рекурентно соотносится с соответствующим состоянием актуального познания, исходя из которого «научное мышление постоянно переоформляет свое прошлое» (Canguilhem 1979: 18). Задача научно-исторического исследования, и Фуко расширяет это воззрение, выводя его за рамки узкой сферы научного знания, – не в том, чтобы доказать ложность прежних взглядов с точки зрения сегодняшнего состояния познания – это задача научной практики, – а в том, чтобы понять, на каком основании, внутри какой рамки соотнесения они некогда имели силу истинных. Кроме того, эти взгляды не должны рассматриваться как воплощение актуального притязания на значимость, к которому интерпретатор должен установить отношение: «В тех случаях, когда нечто нормативно значимое становится объектом *эмпирического* исследования, оно в качестве объекта лишается своего нормативного характера и рассматривается как „сущее“, а не как „значимое“» (Вебер 1990: 590). Однако к этому «сущему», становящемуся предметом эмпирического исследования, относится не только содержание соответствующих взглядов, но и предъявляемое ими притязание на значимость и его истинностный или перформативный горизонт.

Сформулированное в «Археологи знания» методологическое самозаверение Фуко использовал в качестве промежуточного баланса, исходя из которого он ставил новые вопросы. В последующем он не ограничивался расширенным включением недискурсивных факторов и институциональных практик. С помощью понятия диспозитива, означающего то же, что и распоряжение, регламент, предписание, но также и физическое размещение, например, расположение орудия, он стремился к сочленению дискурса и внешнего ему, недискурсивного. Диспозитив может пониматься предметно-материально, но также и в качестве институционального регламента. Тюрьма, как и плац для занятий строевой подготовкой, являются одновременно физическими и

институциональными образованиями. Наказание – не дискурс, но и не просто чистая добавка боли. Темница отличается от других форм интернирования, она интегрирована в дискурс, она не существует вне дискурса, нет сначала заключения в тюрьму, а затем его истолкования, так же, как нет сначала политико-правового дискурса, а затем решения преобразовать его посредством ареста. Фуко не предлагает социологию системы наказания, он не объясняет, как она фактически функционирует, каким образом стратегии остаются стабильными, как происходит социальная интеграция. С помощью избранных им и развитых в дальнейшем средств он исследует, как всё это тематизируется в дискурсах и как такое истолкование наделяется перформативным свойством, не ставя перед собой задачи объяснить затем фактическое осуществление описанной реальности исходя из дискурса.

Фуко реконструирует перформативный горизонт дискурсивных практик. Эта интернализация внешнего отношения дискурсов объединяет анализы по генеалогии гуманитарных наук с аналитикой констелляций власть/знание и изучением форм государственного управления и практик субъективации: эпистемическое или перформативное отношение к предмету тематизируется как внутреннее, а не внешнее отношение. Речь не идет об эмпирическом анализе социального генезиса институтов или исторических форм субъективности.

В отношении более поздних анализов Фуко также необходимо отметить, что процессы субъективации всегда уже предполагают то, к чему они при онтологическом способе прочтения, как кажется, лишь приводят: субъективность. Последняя может изменяться, но она не формируется изначально: артикулируемое в дискурсивных практиках формирование субъективности может представать как произведение анонимных стратегий, это часть анализируемой дискурсивной формации, а не ее объяснение. Перформативная субъективация субъекта повторяет зеркально перевернутым образом известные из трансцендентальной философии проблемы самореференциальности, удваивающей субъекта: он предстает и как то, что познает само себя, и как то, что познается. В той мере, в какой субъективация является процессом самоформирования, который анализируется в рамках установившейся схемы действие – исполнитель действия, субъект и здесь функционирует удвоенно, как автор и как результат процесса.

Результатом осуществления картезианского сомнения оказывается субъект, отличный от того, который формируется в исповедях Аврелия Августина, а результатом диететической заботы о себе у древних греков – субъект, отличный от того, который производится техниками признания, характерными для современных методов дознания. Анализируя эти практики самотематизации, Фуко описывает социальные практики, которые имеют более высокую значимость, становясь социально действенными и за пределами своих дискурсивных эффектов. Тем не менее, анализ перформативных дискурсов не является анализом генезиса институтов, это не анализ социальных механизмов, посредством которых производятся определенные институты, определенные формы субъективности. Подобно тому, как в ходе анализа исторических дискурсов и институтов гуманитарных наук Фуко исследует их конститутивное

отношение к истине, не вступая в саму дискуссию о соответствующих притязаниях на истину, так же Фуко описывает и перформативный горизонт исторических диспозитивов управления и техник себя, разворачивающих свое воздействие в обществе, не связывая с этим притязание на социологическое объяснение институциональных изменений. Дискурсанализ реконструирует изменение общественных институтов из перспективы связанных с этим исторических практик знания, не презентируя их в качестве объяснения процессов. Социологические истолкования и объяснения являются предметом, а не задачей дискурсанализа.

Библиография

Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. Москва: Прогресс, 1990. С. 547-601.

Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из бостонских исследований по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203-235.

Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Сост., пред., пер. с англ., нем., польс. яз., общ. ред. В. Н. Поруса. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999 а.

Флек Л. Проблемы науковедения // *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Сост., пред., пер. с англ., нем., польс. яз., общ. ред. В. Н. Поруса. Москва: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999 б. С. 193-208.

Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова, под общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996 а.

Фуко М. Порядок дискурса // *Фуко М.* Воля к знанию: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. / Сост., пер. с фр., коммент. и посл. С. Табачниковой; под общ. ред. А Пузырея. Москва: Касталь, 1996 б. С. 47-96.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Пер. с нем. 2-е изд., испр. Москва: Весь мир, 2008.

Barnes B. Interests and the Growth of Knowledge. London, 1977.

Bloor D. Knowledge and Social Imagery. London, 1976.

Bolz N. Stop making sense! Wьrzburg, 1989.

Bruckling U., Krasmann S., Lemke T. (Hrsg.) Gouvernementalitдt der Gegenwart. Studien zur Цkonomisierung des Sozialen. Frankfurt/Main, 2000.

Bublitz H., Bьhrmann A., Hanke Ch., Seier A. (Hrsg.) Das Wuchern der Diskurse. Perspektiven der Diskursanalyse Foucaults. Frankfurt/Main, New York, 1999.

Canguilhem G. Wissenschaftsgeschichte und Epistemologie. Gesammelte Aufsдtze. Frankfurt/Main, 1979.

Dreyfus H., Rabinow P. Michel Foucault. Jenseits von Strukturalismus und Hermeneutik. Frankfurt/Main, 1987.

Foucault M. Gesammelte Schriften, Bd. 4. Frankfurt/Main, 2005.

Giesen B. Drogenpolitik und Sozialpolitik. Zur praktischen Heuristik soziologischer

Theorie. Soziale Welt, Sonderheft 1: Soziologie und Praxis. Erfahrungen, Konflikt, Perspektiven, 1982. S. 135-157

Guilhaumou J. Geschichte und Sprachwissenschaft – Wege und Stationen (in) der "analyse du discours" // *Keller R., Hirseland A., Schneider W., Viehyver W.* (Hrsg.) Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse, Bd. 2: Forschungspraxis. Opladen, 2001. S. 19-65.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1: HandlungsrationalitΔt und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt/Main, 1981a.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. Frankfurt/Main, 1981b.

Hacking I. Historical Ontology. Cambridge, 2002.

Hacking I. Between Michel Foucault and Erving Goffman: Between discourse in the abstract and face-to-face interaction // Economy and Society, 2004, 33, 3. S. 277-302.

Harris Z. Discourse Analysis. Language, 1952, 28, 1. S. 1-30.

Honneth A. Kritik der Macht. Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt/Main, 1985.

Keller R., Hirseland A., Schneider W., Viehyver W. (Hrsg.) Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse, Bd. 1: Theorien und Methoden. Opladen, 2001a.

Keller R., Hirseland A., Schneider W., Viehyver W. (Hrsg.) Handbuch sozialwissenschaftliche Diskursanalyse, Bd. 2: Forschungspraxis. Opladen, 2001b.

Knorr Cetina K. Die Fabrikation von Erkenntnis. Frankfurt/Main, 1984.

Kocyba H. Eine reine Beschreibung diskursiver Ereignisse // kultuRRevolution 1988, 17/18, S. 33-36.

Kogler H.-H. Die Macht des Dialogs. Kritische Hermeneutik nach Gadamer, Foucault und Rorty. Stuttgart, 1992.

Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills, 1979.

Lemke T. Eine Kritik der politischen Vernunft. Foucaults Analyse der modernen GouvernementalitΔt. Berlin, 1997.

Osborne Th. Techniken und Subjekte: Von den „Governmentality Studies" zu den „Studies of Governmentality" // *Mьller C., Reichert R.* (Hrsg.) Demokratie. Selbst. Arbeit. Analysen liberal-demokratischer Gesellschaften im AnschluЯ an Michel Foucault. Mitteilungen des Instituts fьr Wissenschaft und Kunst, 2001, 56. S. 12-16.

Prieto L. J. Principes de noologie. Den Haag, 1964.

Privitera W. Stilprobleme. Zur Epistemologie Michel Foucaults. Frankfurt/Main, 1990.

Rorty R. (Hrsg.) The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method. Chicago, 1967.

Scharping M. (Hrsg.) Wissenschaftsfeinde? „Science Wars" und die Provokation der Wissenschaftsforschung. Mьnster, 2001.

Schyttler P. MentalitΔten, Ideologien, Diskurse. Zur sozialgeschichtlichen Thematisierung der „dritten Ebene" // *Lьdtke A.* (Hrsg.) Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt/Main, New York, 1989.

Stegmьller W. Das Problem der Induktion: Humes Herausforderung und moderne Antworten // *Lenk H.* (Hrsg.) Neue Aspekte der Wissenschaftstheorie. Braunschweig, 1971. S. 13-74.

Stegmьller W. Theoriendynamik und logisches Verstдndnis // *Diederich W.* (Hrsg.) Theorien der Wissenschaftsgeschichte. Beitrдge zur diachronischen Wissenschaftstheorie, Frankfurt/Main, 1974. S. 167-209.

Stehr N., Meja V. Zur gegenwдrtigen Lage wissenssoziologischer Konzeptionen // *Meja V., Stehr N.* (Hrsg.) Der Streit um die Wissenssoziologie. Bd.2: Rezeption und Kritik der Wissenssoziologie, 1982. S. 893-946.

Waldenfels B. Michel Foucault. Auskehr des Denkens // *Fleischer M.* (Hrsg.) Philosophien des 20. Jahrhunderts. Darmstadt, 1991. S. 191-203.

Перевод с немецкого Татьяны Тягуновой